

Отчим 2.0

Отношения отцов и детей, не связанных биологическими узами родства

Александр Братерский |

МНЕ было 34 года, когда я стал папой 11-летней Даши. Сначала я увидел ее на фото с мамой, моей будущей женой, а потом мы первый раз встретились, когда ее мама с дочерью приехала в Москву из Иркутска. Когда я был свободным вуманайзером, мне приходилось встречаться с женщинами, у которых были дети. Обычно эти женщины мне детей не показывали. Потом мама Даши мне объяснила, что мамы не показывают детей мужчинам, с которыми встречаются, пока не уверены, что все будет «серьезно». Так вот Даша появилась, когда у нас с ее мамой уже было «серьезно», и, наверное, так получилось, что сработала «химия» — я сразу почувствовал в этой девочке какое-то родство.

Вообще, для мужчины, который, как я, обзавелся полноценной семьей в середине пути, женщина с ребенком — это идеальный вариант. Вместе с подругой жизни ты получаешь уже готового ребенка, которому не надо менять памперсы и сажать на горшок, но с которым можно наладить отношения и привлечь на свою сторону. Однако отчим, дарящий конфеты и подарки ребенку, чтобы набить себе очки в глазах его мамы, — это подделка. Ребенок почувствует в тебе не папу, а близкого человека, такую вот father figure, когда поймет, что интересен тебе не только потому, что тебе интересна его мама, а его самого ты рассматриваешь как что-то вроде речей Брежнева, выданных в нагрузку к Дюма в советских книжных.

Я не столь наивен и понимаю, что ребенок, пусть даже любимой женщины, может быть и противным довеском, который, унаследовав черты своего бывшего папы, может доставить много неприятностей. Дашин папа не был ангелом: в другой семье у него тоже были дети, и вообще он любил ходить по дому в трусах, но сейчас я так благодарен ему и готов заключить его в крепкие мужские объятия.

И все из-за Даши, в которой за все эти три года я вижу так много своих черт — бунтарка и хитрюга, любительница чтения и русского рока. Глядя, как она засыпает под «Не спеши ты нас хоронить», я готов плакать от радости. Я рад еще и потому, что рядом со мной почти взрослая дочь, которая сидит со мной в кафе и рассуждает о шансах оппозиции и мерит своих подруг в Москве и Иркутске, разговаривая с ними так, будто за плечами у нее хорошая мидовская школа дипломатии.

Мне нравится быть отчимом, хотя слово какое-то дурацкое и в «Википедии» про нас, отчимов, есть несколько жалких строк в начатой кем-то, но незаконченной статье с

СОФЯ РЯМИНЦЕВА

Я ВСЕГДА ВЕРИЛ,

что мужчина, у которого нет никакой связи с ребенком в виде пуповины или сакральной груди, может полюбить приемного ребенка «по умолчанию»

горьким напоминанием о том, что, мол, отчим не обладает правами по отношению к пасынку или падчерице (опять дурацкие названия), если дети не усыновлены. Отом, что это такое, вспоминаешь с омерзением, когда в издательском доме, где я работаю, проходит выставка детского рисунка и я знаю, что не могу принести туда отличные работы Даши, потому что формально она не имеет ко мне отношения, ведь настоя-

щий отец — биологический (странное слово, напоминает «биоробота»).

Интересно, что по-английски отчима более благозвучно называют stepfather — может, потому, что делает важный шаг по отношению к ребенку, может, потому, что помогает приемному ребенку «шагать»?

Но неформальный статус имеет свои плюсы, и это хорошо известно, ведь бывает и так, что и политик, формально не за-

нимающий никаких постов, может быть достаточно влиятельной фигурой в семье. Главная трудность в воспитании приемного ребенка — это проявление жесткости и строгости, как отмечает большинство психологов. Поступать с Дашей достаточно жестко мне не приходилось. Повода она не давала, однако мне приходилось разговаривать с ней по-мужски, объясняя проблемы в ее поведении. Действовать же слишком резко и круто я боялся, наученный горьким опытом общения с собственным отчимом, разведчиком и дипломатом, который пытался сделать из меня изнеженного мальчика прохановского «Последнего солдата империи». Кое-что ему удалось, и я благодарен покойнику за науку: он научил меня плавать, бросая в воду, английскому, передразнивая мое «рязанское» произношение, и давать в морду довольно омерзительным личностям. Однако похвалу мне приходилось слышать редко, а частым комплиментом было слово «придурак».

Ненавидя все это, я вспоминаю его уроки с благодарностью. Стараюсь вести себя с Дашей как либерал с Болотной, чем она и пользуется, лавируя между мной и своей мамой, которая, словно подзадоривая меня, говорит: «Будь с ней построже». Пытаясь быть построже, я иногда взрываюсь, но все же не могу без нее, и, наверное, это взаимно.

Когда она гостит у бабушки в Иркутске, я понимаю, что мне ее не хватает, и я хочу смотреть с ней вместе кино, разговаривать о прочитанных книгах или давать советы, как лучше отшивать мутных парней. «Ты лучше папы, папа он так...» — сказала она мне как-то, и это, наверное, самые дорогие слова в моей жизни.

Я не знаю, правильно ли я воспитываю Дашу, и, вообще, я никогда не читал ни одной книги про то, как быть «правильным отчимом». Однако я всегда верил, что мужчина, у которого нет никакой связи с ребенком в виде пуповины или сакральной груди, может полюбить приемного ребенка «по умолчанию». Просто потому, что найдет в нем, «что играть», как сжившийся с ролью актер. Сейчас у меня появилась возможность сравнить: недавно у Даши появилась сестра Ксения, и я, так же, как некогда мои друзья, столкнувшись с пеленками, приобретаю ценный опыт общения с новорожденной дочерью, в то время как Даша втайне радуется ослаблению родительского контроля. «Теперь у тебя есть родная дочь», — сказал мне кто-то из приятелей. «Родная» — это газета такая была, ответил я в шутку. Это Ксения, моя младшая, потому что место старшей уже занято.